

Практическая осуществимость всего устава всенощной

(глава из книги "Толковый типикон", стр. 330–336)

Совершение всенощной по всем вышеизложенным требованиям Типикона — с пением например, целого 103 псалма (с припевом к каждому стиху), всех 8 псалмов 1 кафизмы, протяжным пением двух больших полиелейных псалмов или громадного 118 псалма, особенно же с пением 120 ирмосов и тропарей канона, не говорим уже о множестве стихир, седальнов, тропарей и т.п. — совершение всенощной с такой массой пения, да еще с 7 чтениями, может показаться решительно не осуществимым. А применение многогласия в русской церкви XVI—XVII в., т. е. в эпоху, когда всенощная закончила свое развитие, по видимому и исторически подтверждает такое мнение. И вот как бы для фактического опровержения такого пагубного для Типикона мнения недавно в Киевской Духовной Академии был сделан опыт такой всенощной, вероятно первый и единственный в России после XVII в. (известно, что ни в одном русском монастыре ныне не поется в цельном виде канон, а тропари его читаются, также как не поются нигде вся 1 кафизма, полиелей или непорочны).

Мысль о такой всенощной зародилась еще два года тому назад одновременно у двух профессоров Академии — проф. литургики свящ. В.Д. Прилуцкого и автора настоящей книги. Обсудив вопрос, они решили, что осуществление этого намерения потребует расхода *minimum* в 300 руб. на два хора (которые по идее антифонного пения, на коем построено всё наше богослужение, должны быть совершенно одинакового достоинства) и не менее двух месяцев напряженной подготовки (спевок). Когда упомянутые профессора поделились этими мечтами с своим единомышленником по литургической области еп. Аккерманским Гавриилом (Чепуром), он упрекнул их в наивности и сказал, что это будет стоить 3000 руб. и 2 лет подготовки. Носившаяся т. о. в воздухе мысль об идеальной всенощной запала в душу двух благоговейных студентов IV курса: священника З.Т. Саплина (куряк) и И.А. Лаговского (костромич; вышеперечисленные лица: рязанец, литовец и херсонец). Они решили сделать из этой всенощной нечто обетное и нашли среди студентов-певцов около 20 лиц, выразивших готовность, с немалым риском для горла, петь хотя бы то всю ночь, с 6 ч. вечера до утра. Человек 7 из этих 20 были студенты IV курса, затем по количеству следовали студенты I к., потом II и наконец III; в племенном отношении исполнители распределялись приблизительно поровну между великороссами и малороссами.

Всенощная предполагалась сначала под 5 декабря, как день памяти св. Саввы Освященного, но по разным соображениям для нея выбрали 10—11 ноября, воскресенье с 1 гласом, самым богатым музыкально. Спевка длилась месяца полтора. Местом для всенощной выбрана малая, Св. Духовская, церковь Братского монастыря (в ограде коего помещается Академия). Церковь вдоль всех стен была установлена скамьями. Ректор Академии еп. Иннокентий, с большим сочувствием отнесшийся к делу, выразил согласие, — чтобы не мешать полному осуществлению требований Типикона, как известно не предусматривающего участия архиерея во всенощной, — занять в церкви лишь

положение настоятеля и ограничиться назначаемыми в Типиконе функциями последнего (его сану отдана была честь в церкви только по окончании всенощной пение испола и проводным звоном). Он занял место на середине храма у стены в мантии. Служили всенощную студент IV к. иеромонах Антоний (Романовский) и студент IV к. иеродиакон Нектарий (Трезвинский).

В 6 ч. при закрытых царских дверях началось каждение алтаря. Предварительно ректор предложил присутствующим сесть (к сожалению, далеко не всем хватило сидений). После каждения алтаря открылась завеса и св. двери, пред которыми еще ранее занял место студент-послушник в монашеском одеянии с высокой свечей в руке, исполнявший обязанности параклисиарха. В момент открытия св. дверей он возгласил: “Востаните” В св. двери вышел с кадиллом иеромонах (без диакона, в мантии и епитрахили). При гробовом молчании, нарушаемом лишь лязгом кадила, совершено было, длившееся немало, каждение всего храма с тремя нефами, причем совершители каждения описали шестичастную волнообразную линию (вдоль каждой стороны стен и колонн), конец которой привел их в притвор; когда они вышли из него по каждении, параклисиарх возгласил: “Господи благослови”. Кадящие пошли к св. дверям и, совершив там положенное заключительное каждение главных икон, священник сделал начальный возглас. Исполнявший обязанности экклисиарха (свящ. В.Д. Прилуцкий) спел solo “Аминь, Приидите поклонимся...” и начало 103 пс. с припевом. Псалом пели по стихам на 2 хора с положенными припевами за каждым стихом Бахметьевским напевом. Тотчас после возгласа царския двери были закрыты и священник вышел и стал на правом конце солеи пред аналоем и иконою, где и стоял почти целую всенощную. Неспешное пение: псалма с безконечным, казалось, повторением каждого из трех припевов к нему, при неотвлекаемом ничем (даже каждением), внимании открывало уму все новые и новые мысли в каждом стихе. На стихе 24 псалма (“Вся премудростию сотворил еси”) священник подошел к царским дверям для чтения светильничных молитв. На всех лицах сиял восторг. Окончен был псалом в 6 ч. 35 м.

Блажен муж пелось тоже Бахметьевским напевом с тройным аллилуиа после каждого стиха и однако пение 1-й славы, т. е. 1, 2 и 3-го псалмов заняло только около 10 минут; это благодаря живому антифонному пению: второй хор начинал свой стих, когда первый еще оканчивал свой. Вторая и третья Славы 1-й кафисмы, т. е. псалмы 4—8 пелись на тропарный напев 1-го гласа (обычный), т. е. как поются на литургии изобразительные псалмы. В этом кажется была ошибка руководителя пения: следовало петь стихирным напевом, так как тропарный напев начинается на бдении только на Ныне отпускаеши и далее безраздельно господствует (в седальнах и ипакои) почти до канона. За то в пение этих 5 псалмов введена была трогательная особенность: на основании древняго устава пения кафисм каждый стих псалма делился в пении между двумя хорами, т. е. правый хор пел первую половину каждого стиха, а левый вторую. Так как библейская поэзия основана на параллелизме членов, т. е. в каждом стихе псалма вторая половина его заключает параллельную мысль к первой, развивает и дополняет мысль первой, то эта манера пения прямо ошеломляла мысль неожиданными идеями и сопоставлениями.

напр. Правый хор: : “Пожрите жертву правды”

левый “и уповайте на Господа”

правый “Мнози глаголют: кто явит нам благая?”

левый “знаменая на нас свет лица Твоего, Господи” (Пс. 4, 6, 7)
правый “овцы и волы вся”
левый “еще же и скоты польския” (Пс. 8, 8)

Ектении по 1 и 2 Славе произносил священник, а по 3-й диакон.

К “Господи воззвах” зажжены были свечи пред иконами и храм сразу принял более торжественный вид; до сих пор горели только лампадки и был полумрак. “Господи воззвах”, пред которым был возглашен глас, пели большим знаменным распевом; части первых двух стихов пелись соло басом, а весь хор припевал на положенных местах (чаще, чем в обычном напеве) “Услыши мя Господи”. Остальные стихи псалмов 140 и 141 пелись речитативом, как в Киево-Печерской лавре. Стихиры воскресные пелись Бахметьевским напевом, но 6 минейных стихир спеты были на положенные подобны (лаврским напевом), в виду чего пред каждой группой возглашен был подобен: пред первой — “Яко добля”, пред второй — “О преславнаго чудесе”. Безполезно говорить тому, кто не слышал этих напевов, о всей их красоте, величии и умиленности. Заметим только, что на слова стихиры св. мчц. Стефаниде: “привязана же двема разделилася еси финикома / и возлетела еси к Богу яко врабий”, пришлось ноты, так выражавшие и весь ужас этой пытки (разрывание человеческого тела двумя нагнутыми, а потом выпущенными из рук деревьями), и всю победу над ней великаго духа мученицы, что не мог не задрожать всякий, кто в состоянии был разлышать эти слова и убедиться, как весь их ужас передан был музыкой. Впечатление от напевов усиливалось тем, что стихиры, как и все песнопения на всенощной, пелись без канонарха (и в Киево-Печерской лавре лучшая стихиры “самогласныя”, напр. в Рождество Христово, Успение, Благовещение поются без канонарха). На положенном месте лики сошлись.

Вход в предшествии двух громадных свечей, несомых двумя монахами в мантиях, совершен был только в 7 ч. 35 мин., спустя след. полтора часа после начала службы,— время, в которое при добром старании можно отслужить и целую всенощную. Прокимен, вместо возглашения его, был спет канонархом соло (пред пением его соединенными хорами измененным Лаврским напевом), и стихи к нему тоже пелись канонархом, но уже речитативом (следовало бы петь, как прокимен). Выход на литию (7 ч. 43 мин) сделан был в северныя двери при закрытых царских, в предшествии двух свечей, несомых монахами в мантиях; священник был только в епитрахили. Соединившиеся хорами и выстроившиеся по четыре в ряд певцы, идя за священников, пели “Преславная днесь”, “Слава и ныне”, “Царю небесный” (храмовыя стихиры). Лития вышла в самый притвор, куда прошла и большая часть молящихся (притвор оказался довольно поместительным), в том числе и архиерей. “Господи помилуй” считал один из певцов. Стиховны пелись (простым напевом) соединенными и образовавшими полукольцо пред аналоем хорами. Царския двери не были открыты и на благословение хлебов. Псалом 33-й, как впоследствии 50-й, был проговорен (следуя указанию устава: “глаголем”) одним из хоров; вышло очень эффектно.

После “Благословение Господне на вас” было “великое” чтение. Аналой для чтеца поставлен был на левом конце солеи, наискось к иконостасу и народу. Читалось, как чередное, 2-е послание к Солуняном — всё. Читал инспектор Академии и профессор Новаго Завета прот. Д.И. Богдасhevский (конечно, без епитрахили), стараясь вкладывать посредством интонации в читаемый текст (чтение, как и другие, велось разговорным языком, хотя и славянским) все нажитое долголетней ученой работой понимание его.

Заключительное “аминь” послания было произнесено не им, а как требует Типикон, чтецом шестопсалмия, каковым оказался (тоже по Типикону) в качестве настоятеля ректор-епископ (он же ранее прочел “Сподоби Господи” и “Ныне отпускаеши”). Во время чтения послания певчим дано было по просфоре и чашке вина, а народу по просфоре, напоенной вином. С началом чтения церковь опять погрузилась во мрак (до “Бог Господь и явися”, евр. “засиял”).

Утренняя началась в 8 ч. 45 м. Великую ектению произносил священник. “Бог Господь” исполнено было в точности, как прокимен (см. выше). Кафисмы читал на середине церкви студент. Седальны пелись умирительно-протяжным (имеющим что-то общее с страстными напевами; седален 2-го гл., настоящее страстное “Благообразный Иосиф”) напевом Киево-Печерской лавры. Пения их сидя (“сядеще поем”) нельзя было осуществить за теснотою клиросов. После “Благовестника” толкование завтрашняго Евангелия с заглавием “Бл. Феофилакта, архиеп. Болгарскаго, сказание на ев. от Луки”. Благодаря краткости Евангелия (о безрассудном богаче), чтение оказалось страницы в 2 разгонистой печати. Остальные чтения читал студент II курса В.И. Афонский (киевлянин). Читалось после 2-й кафисмы, полиелей и 3 песни канона толкование ап. Павла на завтрашний апостол; толкование занимает 5 страниц мельчайшей печати in folio в 2 столбца и, несмотря на довольно беглое чтение, было длинновато, в виду чего пришлось отказаться от первоначального намерения читать по 3 песни канона из Маргарита, о чем Типикон, впрочем, говорит очень неопределенно. Читаниями руководил автор настоящей книжки, которому стоило не мало труда разыскать нужные славянские издания, а нужное для чтения “Оглашение Студитово” нашлось только едва ли не в уникальной рукописи Киево-Печерской лавры, с выпиской которой запоздали, и пришлось перевести с русского на славянский язык.

Гвоздем всеобщей оказалась полиелей. Спетые величественным, прямо победным напевом Киево-Печерской лавры, эти 47 стихов полиелейных псалмов, казалось, представляли какой-то безконечный гимн Творцу и Промыслителю. Какой-то неразгаданной тайной веяло от двукратного упоминания об Оге и Сигоне (“и Ога, царя Васанска, аллилуиа, аллилуиа, яко в век милость Его, аллилуиа”). Зажженное паникадило усиливало впечатление. И при всём том, странно, царския двери все закрыты и закрыты. И певчим особенно удался полиелей. По общему признанию всеобщая здесь превзошла самые смелые ожидания. Восторг молящихся достиг апогея. “Ангельский собор” исполнили лаврским ликующим, стремительным (как бегство муроносиц к гробу и от гроба) напевом. Ипакое напевом седальнов спел соло хороший тенор; в храме водворилась напряженная тишина, замечательно иллюстрировавшая наименование этой песни (“внимание”, вернее, впрочем, “припев”). И опять чтение.

С началом Степенн открыли царския двери и они стояли открытыми до внесения в алтарь Евангелия на 1 песни канона. Степенны пели лаврским напевом, по дважды каждый. Это было величественное переключение клиросов. 50-й псалом проговорил хором левый клирос. Особенно понравилось всем, что евангелие для целования держал “на персях” священник среди двух свечей.

Канон начали в 10 ч. 45 м. и кончили в 12 ч. 50 мин. Пели Бахметевским напевом, а “Отверзу” на сходе — лаврским. Особенно эффектно выходили стихи библейских песней. Каждая из песней канона казалась чем-то безконечным. Когда присутствующие увидели, что поются сплошь все

14 тропарей каждой песни, у некоторых явилось опасение, как бы не пострадало горло певцов, тем более, что все растущее воодушевление их, по-видимому, заставляло их петь всё громче и громче. Один солиднейший слушатель умолял руководителей сократить этот “опасный эксперимент”. Но это значило бы бросить дело при самом конце. Кондаки, икосы и седальны, по 3 песни, пелись обычным тропарным напевом, ибо их набралось семь штук; так и воскресные кондак с икосом по 6 песни.

Чтение по 3 песни погрузило опять храм во мрак, стоявший до начала 9 песни, когда зажженные свечи не гасились уже до отпуста. При чтении Пролога, заключающего 10 страниц *in folio*, автор сделал обход сидевшей церкви с целью обозрения состава молящихся, “претерпевших до конца”. Его поразил значительный процент студентов академии и интеллигентных женщин разных возрастов, от солидных дам до подростков-гимназисток. Не мало было и интеллигентных мужчин. Всего молящихся было должно быть около 200.

Светильны пели соло антифонно греческим тропарным напевом.

Хвалитны стихиры — обычным напевом, со сходом ликов в положенный момент. Славословие пели лаврским напевом. Странно было видеть на великом славословии и ектениях после него закрытые царские двери, открывшиеся лишь для отпуста на “Премудрость” (первом).

После утрени певчие двинулись вслед за священником, предшествуемым двумя большими свечами (без диакона), к притвору на литию с пением “Дух Святой бе убо присно”. Ректор прочел Оглашение Студитово (в полулист писчей бумаги) — о цели и пользе оглашений. Певчие поблагодарили прп. Феодора тропарем. Зачитали 1-й час там же. Всё окончилось в 1 ч. 50 м. ночи.

Трудно передать словами, что чувствовали слушатели этой службы, названной кем-то “исторической всенощной”, и особенно ближайшие участники ея. Насколько необычно всё было в ней, показывает следующее обстоятельство. Два руководителя службы, могущие проговорить наизусть всю 2-ю главу Типикона, так сказать по очереди за всенощной теряли голову и должны были проверять друг другом себя — это ли следует далее. Большинство исполнителей службы решило на следующий день, что они в течение всенощной были как пьяные. Ни о какой усталости не могло быть и речи. Один певец заявил, что он мог бы, не сходя с клироса, спеть еще такую всенощную. Один студент, любитель поспать, несколько раз уходил из церкви, раздевался, укладывался в постель, но, не будучи в состоянии заснуть от мысли, что в нескольких шагах идет такой оригинальный, неслыханный концерт, возвращался в церковь. Одна курсистка до всенощной выучила все псалмы, стихиры, каноны и библейские песни, имевшие петься. Те знакомые руководителей, коим не было послано уведомления о предстоящей всенощной, едва не рассорились из-за этого с ними и взяли слово, что при повторении чего-либо подобного, их известят. А повторение возможно...

При повторении предполагается всё петь большим знаменным распевом, что удлинит всенощную часа на 3—4.